

ГРНТИ 11.25.40

Научная статья

<https://doi.org/10.32523/2616-6887-2025-151-2-182-204>

Критическая геополитика и вопросы трансформации границ в Центральной Азии: кыргызско-таджикский приграничный конфликт

А.Б. Кузембаева¹, Е.С. Чукубаев¹, Б. Кульбаев²

¹ Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

² Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

(E-mail: assiya.kuzembayeva@narxoz.kz, yermek.chukubayev@narxoz.kz, bekzat.kulbayev@gmail.com)

Аннотация. Статья посвящена анализу кыргызско-таджикского пограничного соглашения 2025 года с позиции критической геополитики. Авторы исследуют процесс трансформации государственной границы как значимого ресурса политической мобилизации, инструмента символического противостояния и элемента конструирования национальной идентичности. Используя метод дискурсивного анализа официальных выступлений, сообщений средств массовой информации и экспертных интервью, в статье раскрываются механизмы, посредством которых политические элиты Кыргызстана и Таджикистана используют пограничные соглашения для усиления внутренней легитимности и институционализации своей власти. Особое внимание уделяется двойственной природе официальных нарративов, одновременно подчеркивающих дружественность и выражающих настороженность по отношению к соседним государствам. Авторы приходят к выводу, что достигнутое соглашение не разрешает конфликт окончательно, а инициирует новый этап реконфигурации власти и идентичности. В статье также рассматриваются последствия соглашения для региональной безопасности, влияние на местные сообщества и сложности управления трансграничными ресурсами. Подчеркивается, что лидеры Центральной Азии продолжают формировать свои нации через территориальное маркирование и апелляцию к исторической и моральной справедливости, что соответствует ключевым постулатам критической геополитики о пространстве как арене борьбы за существование и развитие государства.

Ключевые слова: границы, критическая геополитика, национальная идентичность, Кыргызстан, Таджикистан, региональная безопасность, дискурсивный анализ.

Поступила: 03.01.2025; Принята: 25.06.2025; Доступна онлайн: 01.07.2025

Введение

Приграничный вопрос между Кыргызской Республикой и Республикой Таджикистан остаётся одной из наиболее продолжительных и конфликтогенных проблем не только в Центральной Азии, но и в целом на постсоветском пространстве.

Более трех десятилетий отсутствие юридически признанной линии границы, унаследованной от условных административных делений советского периода, провоцировало эскалации различного масштаба – от бытовых конфликтов между жителями приграничных сёл до межгосударственных вооружённых столкновений.

Ситуация обострилась в 2021-2022 гг., когда приграничные районы Баткенской области Кыргызстана и Согдийской области Таджикистана стали ареной интенсивных боевых действий с применением тяжёлой техники, артиллерии и беспилотных летательных аппаратов, что повлекло за собой десятки жертв, разрушение гражданской инфраструктуры и массовое бегство населения.

Подписание 21 февраля 2025 года двустороннего протокола о делимитации государственной границы между Кыргызстаном и Таджикистаном стало важным политическим событием, способным существенно повлиять на конфигурацию и систему региональной безопасности в Центральной Азии [1].

В дополнение к соглашению территориальных решений, стороны заключили договорённости по вопросам использования водных ресурсов и транспортной инфраструктуры, что свидетельствует о комплексном и всестороннем характере достигнутого компромисса.

Наряду с этим переговорный процесс, проходивший в условиях ограниченного доступа общественности к его содержанию, сопровождался как выражениями политической воли на высшем уровне, так и резонансной общественной критикой в связи с уступками и перераспределением спорных участков. Несмотря на официальное позиционирование соглашения как «исторического прорыва» и «триумфа дипломатии», оно представляет собой не только юридический акт, но и глубоко политизированное событие, отражающее процессы трансформации границ в постсоветской Центральной Азии.

Государственная граница в данном контексте – не просто пространственный предел действия государственного суверенитета, а элемент политического воображения, инструмент демонстрации идентичности государства и новая арена символического соперничества.

В современной геополитической ситуации граница продолжает оставаться предметом борьбы между различными акторами, а именно от интересов национальных правительств до требований и позиций новых элит, от локальных сообществ до ключевых международных игроков.

Настоящее исследование исходит из предпосылки, что трансформация границы между Кыргызстаном и Таджикистаном не может быть понята вне рамок критической геополитики – теоретического направления, рассматривающего территориальные процессы как результат взаимодействия власти, дискурса и пространственной репрезентации. Основываясь на дискурсивном анализе официальных заявлений,

парламентских слушаний, медийных сообщений и экспертных интервью, статья исследует, каким образом трансформация границы оформляется в политическом дискурсе, как легитимируется публично, и какие последствия она имеет как для национальных интересов, так и для пограничных сообществ.

Цель работы – деконструировать сложившиеся нарративы, сопровождающие соглашение 2025 года, выявить внутренние противоречия в представлении границы как инструмента стабилизации, и продемонстрировать, каким образом постсоветские элиты используют процессы делимитации в качестве ресурса политической мобилизации и институционализации власти. Таким образом, статья предлагает рассматривать кыргызско-таджикское соглашение не как окончание конфликта, а как начало нового этапа – реконфигурации власти, идентичности и критики геополитической образности в Центральной Азии.

Материалы и методы исследования

Современные исследования вопросов границ и приграничных ситуаций в Центральной Азии всё активнее опираются на подходы и методы критической геополитики, в фокусе которой находятся не столько физические рубежи, а сколько процессы символического и политического производства границы. В частности, в работе В. Артмана и А. Динера [2]. Центральная Азия анализируется как пространство, где границы воспринимаются не как фиксированные линии, а как подвижные и контекстуально зависимые конструкции. Они формируются на пересечении исторической памяти, государственной политики и повседневных практик. Исследователи подчеркивают, что пограничные зоны выполняют не только функцию разделения, но также становятся местом формирования новых форм взаимодействия, идентичностей и конфликтов. Такой аналитический подход позволяет рассматривать границы как динамичные политико-дискурсивные арены, в которых пересекаются интересы различных акторов — от национальных элит до местных сообществ.

Нерешённые или спорные вопросы постсоветской трансформации границ и их реполитизации нашли отражение в работах по истории этнотерриториального размежевания [3], а также в исследованиях локальных конфликтов в Ферганской долине [4]. Эти работы демонстрируют, что границы в регионе нередко функционируют как источники неопределённости и напряжённости, поскольку сочетают в себе юридическую неурегулированность, наследие советской пространственной инженерии и современные попытки переопределения суверенитета. В этом контексте граница между Кыргызстаном и Таджикистаном рассматривается как особенно конфликтное пространство, где пересекаются интересы государств, локальных сообществ и транснациональных сетей.

Нарративы о границе, воспроизводимые в официальных и общественных дискурсах, стали предметом изучения в недавнем исследовании «Общества «OXUS» по Центральной Азии, где проанализированы цифровые репрезентации кыргызско-таджикского конфликта в социальных медиа [5].

Авторы выявляют, как онлайн-пространство становится ареной этнонационалистической мобилизации и взаимных обвинений, что способствует росту отчуждения и противоборству между сообществами. При этом исследование ограничивается анализом восприятия конфликта «снизу» и не затрагивает институциональные механизмы легитимации новых границ.

С правовой и институциональной стороны проблема демаркации анализируется в работе Г. Курманалиевой [6], где подчёркивается отсутствие согласованных механизмов управления трансграничными ресурсами, особенно пастбищами. Автор связывает напряжённость с несовместимостью правовых систем Кыргызстана и Таджикистана, а также с переходом от исторических форм совместного пользования к режиму исключения, основанному на национальном суверенитете. В этом контексте граница выступает как линия конфликтного разграничения, а не как пространство кооперации.

Матей Бима акцентирует внимание на событиях 2021–2022 годов и показывает, как вооружённые столкновения вокруг анклава Ворух стали следствием как провалов в межгосударственной координации, так и отсутствия согласованного видения территориальной легитимности [7]. Особенность исследования Бимы — внимание к нарушениям гуманитарного права и вовлечению внешних акторов (Россия, Иран, Китай, ЕС), что позволяет интерпретировать конфликт не только как локальный, но и как элемент более широкой геополитической конфигурации. Однако анализ Бимы сосредоточен на событиях до 2025 года и не охватывает последствия подписания соглашения о делимитации.

Фарход Толипов [8], рассматривая приграничные инциденты в регионе, подчёркивает их локальный характер, слабую институционализацию претензий и стремление государств избегать внешнего посредничества. Его работа поднимает важный вопрос анклавов и предлагает ориентироваться на региональные консультационные механизмы как основу для урегулирования, но не анализирует, каким образом сами границы репрезентируются в дискурсах власти.

Аналогично исследование Умарова и Мукамбаева [9] рассматривает февральское соглашение 2025 года в контексте регионального политического сдвига и дипломатической инициативы Узбекистана. Авторы подчеркивают значение трёхсторонней встречи в Худжанде и связывают её с растущей усталостью от конфликтов в Ферганской долине. Тем не менее, их работа фокусируется на региональном уровне, не затрагивая трансформацию границы как элемента политического воображения и инструмента легитимации в национальных нарративах Кыргызстана и Таджикистана.

Важный теоретический ориентир для данного исследования представляет работа Ника Мегорана [10], в которой на примере конфликта между Узбекистаном и Кыргызстаном в 1999–2000 гг. продемонстрировано, как границы становятся ареной дискурсивного соперничества и ресурсом для политической мобилизации. Мегоран показывает, что граница может быть использована для артикуляции конкурирующих проектов идентичности, а также как инструмент внутреннего политического контроля. Этот подход критически важен для осмысления того, как новые соглашения о границах не только «разрешают» конфликты, но и порождают новые формы символической борьбы.

Таким образом, несмотря на растущее внимание к трансформации границ в Центральной Азии, вопрос о том, как соглашение 2025 года будет интерпретироваться в политических дискурсах, репрезентироваться в медиа и легитимироваться в публичной риторике в Кыргызстане и Таджикистане, остаётся открытым. В данном контексте настоящее исследование предлагает рассматривать кыргызско-таджикскую границу сквозь призму критической геополитики — как дискурсивно конструируемую и политически мобилизующую категорию, значение которой выходит за рамки технической делимитации. Исследование также может способствовать дальнейшему осмыслению влияния недавнего соглашения на институциональные механизмы управления, региональные нарративы и трансформацию самоидентичности в приграничных сообществах.

Теоретическая основа: критическая геополитика как аналитическая рамка. В теоретической основе настоящего исследования лежит концептуализация границы как социально сконструированной, дискурсивно произведённой и политически инструментализируемой категории. Такой подход соответствует рамкам критической геополитики, как она была сформулирована в работах G.Ö.Tuathail, S. Dalby, J. Sharp и других авторов, акцентирующих внимание на риторических и визуальных практиках, через которые производится и воспроизводится геополитическое знание [11]. В отличие от классического геополитического анализа, ориентированного на фиксированных территориальных категориях, критическая геополитика рассматривает пространство как результат властных отношений, закреплённых в тексте, образе, праве и институциональной практике.

Граница в этом контексте рассматривается не как априори заданная и неизменная линия, а как феномен, формируемый в результате исторических, политических, символических и дискурсивных подходов и процессов. Исследование исходит из допущения, что граница функционирует как механизм не только пространственной, но и социальной и политической дифференциации. Она одновременно маркирует территории и упорядочивает отношения между субъектами, включая государственные институты, трансграничные сообщества и международные акторы. Такой подход позволяет анализировать границу не только как геополитический объект, но как системно-установленный текст, содержащий нормы, интерпретации и властные установки.

Особое внимание в рамках критической геополитики уделяется тому, как границы легитимируются и репрезентируются в официальных нарративах, медийном дискурсе и право-определяющих соглашениях и документах. Геополитические дискурсы, включая трактовки пограничных соглашений, рассматриваются как формы символического контроля, в которых определяются рамки допустимого, выстраивается образ противостоящих сторон, и формируются представления о справедливости, жертве и суверенитете, но и как следствие формирования новой геополитической карты. В этих условиях граница приобретает характер системного показателя, производящего социальную реальность и обуславливающего формы политического действия.

Соглашение о делимитации кыргызско-таджикской границы 2025 года рассматривается в данном исследовании и интерпретируется как юридически зафиксирован-

ный, но политически важный открытый текст, который функционирует как точка артикуляции разнородных дискурсов, в которых происходит переопределение самоидентичности, прав и претензий на суверенитет соседних государств. Бишкек и Душанбе в рамках собственной политической риторики формируют конкурирующие нарративы, в которых соглашение предстает либо как восстановление исторической справедливости, либо как вынужденный компромисс, либо как потеря национального контроля. Данные нарративы встраиваются в более широкую динамику постсоветского национального строительства, где границы играют ключевую роль в производстве системы иерархий включения и исключения.

Применение методов и подходов критической геополитики к исследованию границы между Кыргызстаном и Таджикистаном предполагает переход от анализа материальных факторов конфликта к исследованию символических и нормативных структур, определяющих конфигурацию политического пространства и геополитического интереса, что включает изучение языковых стратегий в официальных заявлениях, репрезентаций в национальных СМИ, интерпретаций в экспертных сообществах и визуальных образов, формирующих коллективные представления о территории и конфликте.

Методологически данное исследование построено и берет в свою основу дискурсивный анализ, ориентированный на выявление смысловых структур, через которые граница приобретает значение, и на анализ нормативной легитимации, обеспечивающей её институциональную устойчивость.

Таким образом, критическая геополитика в данном контексте выступает как аналитическая перспектива, позволяющая рассматривать границу не только как результат внешнеполитических соглашений, но и как элемент внутренней политической динамики, инструмент символического контроля и средство конструирования национального порядка. Исследование современного состояния кыргызско-таджикской границы после 2025 года демонстрирует, что политическая значимость границы определяется не столько её физической протяжённостью или демаркацией, сколько её способностью артикулировать властные отношения и мобилизовать коллективные идентичности в условиях постсоветской трансформации и существенных геополитических изменений.

Настоящее исследование опирается на кабинетный анализ текстов, в которых артикулируются и циркулируют представления о границе как о политическом, символическом и дискурсивном конструкте. Особое внимание уделено тем источникам, где пересекаются государственные нарративы, общественные ожидания и медийные интерпретации, касающиеся кыргызско-таджикского пограничного соглашения 2025 года, где теоретические рамки критической геополитики делают акцент на том, как граница не просто фиксируется на карте, а оформляется в тексте, риторике, визуальных кодах и символических жестах.

Исследование основывается на анализе официальных заявлений, пресс-релизов, транскрипций публичных выступлений и публикаций в ключевых СМИ Кыргызстана и Таджикистана за период активной фазы обсуждения соглашения (2024–2025 гг.). Сбор и анализ материалов проходил посредством работы с открытыми источниками

и последующей текстуальной обработкой. Целью анализа было выявить устойчивые тематические кластеры и формы дискурсивного оформления границы, а также репрезентации сторон как «жертвы», «гаранта стабильности» или «наследника исторической справедливости».

В работе использовались инструменты дискурсивного анализа, заимствованные из постструктуралистской традиции, предполагающей чтение политических текстов как практик производства самоидентичности и легитимации власти. Контекстуальное прочтение текстов сопровождалось кодировкой ключевых семантических маркеров, позволяющих выявить внутреннюю структуру нарратива и его связи с более широкими геополитическими репрезентациями и трактовками.

В отличие от эмпирических исследований, опирающихся на интервью или количественные опросы, в данной работе фокус смещён на реконструкцию дискурсивных логик и структурных асимметрий, проявляющихся и обозначающихся в содержании текста. Методологический подход предполагает, что через изучение риторики, обрамляющей пограничные соглашения, можно выявить глубинные механизмы символического производства власти, принадлежащей не только институтам, но и языку.

Вопросы и система репрезентации границы и идентичности в кыргызском и таджикском официальном дискурсе. В официальном дискурсе Жапарова граница представляется прежде всего в рамках мирных прагматических договорённостей, а не в терминах «войны» или «оккупации». Президент регулярно подчёркивает, что Кыргызстан решает пограничные вопросы «в духе дружбы и добрососедства». Например, на саммите в Сиане он заявил: «совместно с Узбекистаном завершён вопрос делимитации границы... В таком же ключе готовы работать с Таджикистаном» [12]. Иными словами, границу конструируют как линию сотрудничества и компромисса, а не непреодолимого раскола. С этого же ракурса Жапаров называет «историческим» юридическое оформление границы с Узбекистаном и подчёркивает, что ратификация договора с Таджикистаном символизирует «новый этап» двусторонних отношений на базе доверия и уважения.

Вместе с тем Жапаров признаёт, что нерешённые участки границ сохраняют опасность конфликтов. Он отмечает, что длительная задержка делимитации стала «причиной трагических событий» на границе. Тем не менее он подчёркивает: «пограничные проблемы можно решить только двумя способами: один – мирных переговоров, другой – военным путём, проливая кровь наших граждан» [13]. При этом Кыргызстан, по его словам, твёрдо стоит на позиции мирного урегулирования и усилий по «охране и сохранению» территории предков. Такая позиция апеллирует к устойчивому мировому порядку и социальной защите населения: невозможно «позволять из-за небольшого клочка земли... происходить вооружённым конфликтам» [14].

Таким образом, в риторике Жапарова граница выступает одновременно инструментом исключения (географическое разделение регионов, где «перекраивают» судьбы людей) и включения (налаживание транзитных коридоров и инфраструктур). С одной стороны, он оправдывает «уточнение линий границы» как способ предотвратить жертвы и сохранить целостность страны. С другой – конструирует границу как зону сотрудничества:

«открытые пограничные посты», восстановленный «союзный» транзитный коридор (Китай–Киргизия–Узбекистан) и отмена визового режима с соседями становятся показателями интеграции. Эта двойственность соответствует подходу критической геополитики: физические границы преподносятся не просто как линии безопасности, но как «политико-культурные» маркеры, служащие и стратегическим, и символическим целям государства.

Соседи: «дружественные» и «опасные»

В официальной риторике Садыра Жапарова последовательно исключается концепция «враждебного соседа». Напротив, его высказывания сконцентрированы на формировании образа «вечных друзей» и «добрососедства». После подписания договора с Таджикистаном президент заявил: «У Кыргызстана нет врагов, есть друзья, партнёры, союзники и вечные добрые соседи» [15]. Китай, Казахстан, Узбекистан и, в последнее время, Таджикистан обозначаются как равноправные партнёры, с которыми все проблемы решаются путём мирного диалога. Например, заключённое соглашение с Ташкентом о делимитации границы в 2022 году позиционируется как «историческое», а аналогичный договор с Душанбе в 2025 году обозначается как символ «нового этапа отношений».

Однако, несмотря на явно примирительный тон, риторика Жапарова содержит элементы стратегической настороженности, особенно в адрес Таджикистана. Так, затяжку делимитации границы он объясняет предложениями соседей по «картам 1924 года», которые, по его мнению, «ни с юридической, ни с моральной точки зрения не подходят». Это позволяет Жапарову одновременно отвергать претензии оппонента и легитимизировать киргизскую позицию как хранителя исторической правды, подчёркивая: «в 1924-м ни мы, ни они не были отдельными государствами».

Следует подчеркнуть, что бинарные категории «дружба» и «вражда», часто используемые и применяемые в публичных интерпретациях, являются слишком резкими и упрощающими для анализа центральноазиатской внешней политики и дипломатии. В региональном контексте более продуктивными аналитическими рамками выступают понятия «дружественность» (friendship) и «подозрительность» (suspicion), как отмечается в ряде исследований [16]. Эти термины позволяют уловить амбивалентную и многослойную природу межгосударственных отношений, где официальные жесты и заявления часто сопровождаются скрытой конкуренцией, дипломатическим недоверием и латентными мерами сдерживания. Такая логика отражается в стратегии кыргызской власти: даже при декларации «вечной дружбы» с Таджикистаном параллельно осуществляется укрепление армии, развитие оборонной инфраструктуры и закупка вооружения, что сигнализирует о сохранении базовой настороженности. В рамках критической геополитики это может быть рассмотрено как формирование новой пространственной морали, в которой дружественные знаки сосуществуют с латентной практикой ограничения, исключения и демонстрации силы.

Узбекистан, напротив, стабильно репрезентируется как дружественный сосед и стратегический партнёр. Заключённое в 2022 году соглашение об окончательном оформлении границы преподносится как акт взаимной выгоды и положительного

партнёрства на перспективу, заложивший основу для углублённого сотрудничества: совместное строительство ГЭС, запуск железнодорожного маршрута и устранение визовых барьеров. Даже потенциально конфликтные ситуации, такие, как протесты вокруг дамбы Кемпир-Абад, описываются как следствие «недостатка информации», требующего лишь разъяснительной работы. Такая риторика создает образ Узбекистана как «проверенного союзника», с которым не только решены территориальные вопросы, но и налажен региональный транзит и энергетическое партнёрство.

Таким образом, дискурсы о соседях в высказываниях Жапарова конструируют геополитическую иерархию как дружественную и полную доверия, в которой каждый актор получает свой образ в зависимости от степени достигнутого компромисса и взаимовыгодного решения, уровня институционального взаимодействия и символического капитала совместных решений. Возникающие подозрения и напряжённость, хотя и скрыты, продолжают существовать в подтексте, что делает важным отказ от дихотомического мышления и переход к критической интерпретации языков дипломатической амбивалентности в Центральной Азии.

Нарративы легитимации действий и видимой стабильности на границе

Границы оформляются главным образом через международные договоры, межгосударственные соглашения и внутренние институты власти. Жапаров постоянно ссылается на демократическую легитимацию пограничных мероприятий: президентские встречи (двусторонние и трёхсторонние саммиты) и ратификация соглашений преподносятся как отражение воли народов. Так, заключение договора с Таджикистаном в Бишкеке он охарактеризовал как событие, воспринятое «с большим воодушевлением как народами Кыргызстана и Таджикистана, так и широким международным сообществом», что «символизирует... новый этап...намерении к мирному сосуществованию». Подобные формулировки подчеркивают не принуждение, а консенсусную (согласованную или взаимовыгодную) дипломатию, легитимизирующую решение границы через позитивные ценности («доверие и уважение»). Аналогично «исторические соглашения» и «договора о государственной границе» обозначаются как закономерный и естественный итог конструктивной политики, а не как акт имперского силового присвоения.

Нарративы также легитимизируют силовую составляющую. На Народном курултае Жапаров использует образы жертвенности и героизма, чтобы оправдать усиление армии: «мы никогда не забудем мужества храбрых сынов нашего народа, не пожалевших жизни за землю кыргызов» [13]. Пограничные столкновения со смертельным исходом трактуются как трагическая плата за долгое бездействие – и как оправдание срочных мер и незамедлительных действий. Он заявляет, что «современные вызовы, связанные с безопасностью, требуют от нас укрепления обороноспособности», и демонстрирует конкретные действия (создание Минобороны, закупка бронетехники, ударных БПЛА). Таким образом, сила аргументируется «ценой крови»: легитимность интервенции (строительство застав, военные учения, усиление вертолетов) подкрепляется риторикой спасения будущих жизней. Легитимация здесь происходит по схеме «доктрин рыцарства»: власть призывает народ к доверию («Ваше доверие к властям должно быть прочным... в вопросах сохранения территориальной целостности») взамен на обещание защищать невинных и восстанавливать порядок.

И, наконец, «право на границу» обосновывается экономическими аргументами. Совместные энергетические и транспортные проекты превращаются в общенациональную заслугу администрации Жапарова (построена Камбар-Ата-1, соглашения с ЕС по энергетике и пр.). Этот прогресс-инструмент легитимирует пребывание власти у власти: мол, ради народа мы обеспечили транзитный потенциал, доступ на рынки ЕС и снижение зависимости от импорта. В этом смысле акцент на «народных интересах» и экономическом росте служит оправданием масштабных инфраструктурных проектов и приграничных мероприятий как следствия партнёрских соглашений.

Национальная идентичность, коллективная память и символика

Дискурс Жапарова насыщен аллюзиями на национальную историю и символы, что служит объединению нации вокруг его политики. Наиболее явный пример – эпос Манаса, главный символ кыргызской идентичности. В интервью Кабарон эмоционально заявляет: «Манас ата с детства живет в моем сердце... Я вырос на примере Манаса Великодушного» [17], связывая свои личные ценности и действия с образом великого прародителя. Речь о Манасе используется для легитимации текущих решений: упоминается реставрация «села Манаса» и обвиняются оппоненты, якобы препятствующие сохранению «наследия народа». Таким образом, Жапаров не просто ссылается на коллективную память – он позиционирует себя как продолжателя «духа Манаса», апеллируя к национальному мифу ради политической поддержки. Он призывает к действию «для людей, для нашего народа», что подчёркивает риторическую отождествлённость действий власти и интересов двух наций.

Помимо Манаса, в дискурсе используются другие семиотические символы: «благословенная земля наших предков», «мужество храбрых сынов», «ничто не дороже человеческой жизни». Эти образы придают границе сакральное измерение: не просто линии на карте, а наследие, которое «надо сохранить и передать потомкам». Следуя постколониальным подходам, можно заметить, что Жапаров отстраняет себя от советско-имперского прошлого, апеллируя к «светлому национальному прошлому»: карты 1924 года он отвергает, а Манаса, напротив, возвышает до «дедовского» уровня морали. Такая символика конструирует нацию как преемницу гордых предков, а решения вопросов границы представляются исполнением долга перед ними.

Кроме того, широко использованы метафоры и аллюзии: «двуглавый дракон коррупции», «Быть главой воды, прежде чем стать главой людей» (цитата отцов) – все они призваны усилить восприятие власти как мудрой и отвечающей интересам государства и граждан. Перечень сильных метафор («коррупция разъедает страну изнутри», «отдаем долги истории и будущим поколениям») апеллирует к политической семиотике, где каждое сказанное слово Жапаровым указывает не просто на конкретные действия (строительство, соглашение), а на понимание «мы народ» и «наши ценности». Иными словами, национальная идентичность в его дискурсе скрепляется коллективной памятью (Манас, героическая история) и символическими ресурсами (земля, ГЭС как труд предков) для легитимации современной геополитики.

Внутренние угрозы и мобилизационные стратегии

Нарратив Жапарова рисует врага чаще внутри страны, чем снаружи. К внутреннему «врагу» он относит прежде всего коррупцию и политическую оппозицию. Риторика

курултая наполнена угрозами «забастовки» государственных норм: «Если народ будет защищать коррупционеров... то мы никогда не избавимся от этой болезни». Обвинения адресуются тем, «кто присваивает средства государства и народа» или «играл на чувствах народа... для реализации личных интересов». Оппозиция и активисты, по его словам, пытаются «создать нестабильную ситуацию» (например, Кемпир-Абад) и их попытки не увенчались успехом. Таким образом, внутренний мобилизационный нарратив апеллирует к сплочению общества против «изменников» и «коррупционеров», которые якобы угрожают независимости и прогрессу. Важно, что критика направлена не на идеологические разногласия, а на обозначение «пятая колонна» – якобы заинтересованной в дестабилизации ситуации и сеяния нестабильности среди населения. Это совпадает с постколониальным анализом, лидер легитимизирует себя как защитника народа и национальных интересов, а оппонентов – как предателей, лишённых национального патриотизма.

Внешний «враг» у Жапарова обозначен в очень размытом виде, скорее как фон для усиления бдительности, чем конкретная дестабилизирующая сила. Он упоминает «безопасность страны» и «угрозы из соседних регионов» в достаточно широком, не конкретном значении. В речи обозначено, что «современные вызовы... требуют укрепления обороноспособности». Однако роль или место конкретных государств или движений не упоминается. Обращаясь к гражданам, президент призывает к «единству» ради противостояния любым внешним рискам: «Если мы будем делиться, то окажем услугу внешним врагам» [13]. Неявная модель «внешнего врага» здесь совпадает с критериями критической геополитики, где выявляется абстрактный конструкт (угроза безопасности, «терроризм», распространение наркотиков) для оправдания милитаризации, чем прямая или косвенная вина конкретного государства.

Проблемы миграции в выступлении Жапарова трактуется как фактор, влияющий на национальное единство и не всегда имеет отрицательный характер. Он подчёркивает важность защиты прав граждан за рубежом и создание «Мекен-карт» для упрощения визовых процедур и миграции соотечественников. Вместо темы «угроза миграции» преобладает идея использования трудовых ресурсов, которая способствует подготовки программистов и аналитиков, которые смогут «конкурировать на мировом рынке». Таким образом, миграция подаётся как вызов (утечка мозгов, зависимость от переводов) и одновременно как пространство мобилизации (диаспора – ресурс для национального строительства). В сочетании с «иммиграционной картой» это сигнализирует о попытках государства нарастить влияние в среде эмигрантов, одновременно удерживая их лояльность к власти и проводимым мероприятиям по стабилизации ситуации.

Лексика безопасности, жертвы, героизма и прогресса

Язык Жапарова насыщен семантикой безопасности и жертвенности. Он многократно употребляет слова «мужество», «жизни», «героизм» и «защита» в контексте границы и нации. Например: «Мы никогда не забудем мужества храбрых сынов нашего народа, не пожалевших жизни за землю кыргызов!» [13]. Такая формулировка иронически отсылает к классическому «войне и памяти», конструируя образ нации как жертвы (герои-пограничники) и оправдывая необходимость «сохранения территории предков».

Речь о «родниках надежд», «ничто не дороже жизни», «сохранить и передать потомкам» создаёт эмоциональную установку, что защита границ – сакральный долг каждого поколения.

Геройские параллели усиливаются противопоставлением мирного и военного путей. Жапаров прямо противопоставляет «мирные переговоры» и «военный путь», через который проливается «кровь наших граждан». При этом он идентифицирует Кыргызстан и олицетворяет его с мирно ориентированной позицией в качестве «демократического правового государства», что апеллирует к самооценке аудитории как цивилизованной и мудрой нации. Такая риторическая тактика выводит на первый план образ президента как гаранта мира и гражданской безопасности.

Одновременно звучит риторика прогресса и суверенитета. Жапаров гордится экономическими успехами: товарооборот с ЕС «увеличился в 2,4 раза», при этом выпячивается «открытость» страны и выгодные «льготы». Рассказы о новых ГЭС, железной дороге до моря и победе над коррупцией («двуглавый дракон») позиционируют его в роли преобразователя. Слова «у нас есть возможности», «мы строим», «будем делать» акцентируют идею динамики и «национального развития», которое олицетворяет нынешняя власть. Так формируется нарратив прогресса, в котором модернизация инфраструктуры и армии обозначены как логический итог суверенной политики.

В своей риторике Жапаров активно прибегает к стратегии политической поляризации, чётко разделяя общество на «настоящих граждан» – лояльных, патриотичных, поддерживающих курс государства – и на «скептиков», или оппозицию, которые маркируются как деструктивные силы, угрожающие стабильности и национальному единству. Он благодарит население за поддержку «окончательного решения пограничного вопроса», противопоставляя его «тем, кто искажает факты». Это создает бинарную логику «мы – они». С одной стороны – «универсальные» понятия (народ, суверенитет, мир), а с другой – скрытые «враги» (коррупционеры, демагоги). Такая тактика полностью соответствует критическому геополитическому анализу: она выводит во внешнее «поле зрения» олицетворённые угрозы (будь то тёмные силы внутри либо внешние соперники) и консолидирует образ «сильного государства», которое защищает свой образ и ценности (политическая семиотика организует систему символов – таких, как образ Манаса, Орден Манаса, мотивы «исторической памяти» – вокруг фигуры Жапарова).

В целом дискурс Жапарова конструирует границу как легитимную политико-территориальную линию, необходимую для «сохранения народа», и одновременно как символ национального единства. «Дружественные» соседи оформляются посредством сотрудничества и взаимных проектов, тогда как любая критика власти (даже касающаяся того же пограничья) маркируется как внутреннее зло и «игра на чувствах народа».

Национальная идентичность усиливается посредством мифологизации (Манас, «благословенная земля предков») и упования на прогресс (инфраструктурные проекты). Эта комбинация стратегий полностью отражает принципы критической геополитики: производя раздел «свой–чужой», Жапаров выстраивает легитимную власть на фоне «безопасного государства», культивируя память и символы как знаковые ресурсы легитимации.

Официальный таджикский дискурс по вопросам границ и идентичности с 2021 по 2025 годы характеризуется интенсивным употреблением тем безопасности, братства народов, общего прошлого и суверенитета. В фокусе внимания – решения пограничных споров (особенно с Кыргызстаном), стабильность в регионах Ферганской долины и Горно-Бадахшанской АО (ГБАО), а также учебные и стратегические документы о национальной сплочённости.

В анализе использованы высказывания президента Эмомали Рахмона и властей (через пресс-службы и СМИ), материалы МИД и парламентские заявления. Обращено особое внимание на ключевые нарративы (братство народов, безопасность, суверенитет, сепаратизм), семантические паттерны («вечная дружба», «акт агрессии», «образ врага» и др.), стратегии легитимации решений и механизмы *othering* («создание образа врага»).

Репрезентация таджикско-киргизской границы

Официальная риторика по таджикско-киргизской границе выявляется двойственным нарративом: с одной стороны – историческое примирение и союз «братских» народов, с другой – выражение недоверия и обвинений в адрес соседей.

После длительного процесса демаркации границы 13 марта 2025 г. был заключён Договор о госгранице. В совместном заявлении двух президентов отмечалось, что «отныне и навсегда таджикско-киргизская государственная граница останется границей вечной дружбы двух братских стран и народов».

Президент Рахмон в день подписания назвал это «историческим решением по вопросам границы» и призвал считать документ «открывающим новую страницу в таджикско-киргизских отношениях». Оба государства объявили об открытии ранее закрытых КПП, подчеркивая перспективы «устойчивого развития региона» и «добрососедства». В то же время официальная риторика фиксирует тему обиды и напряжённости: процесс делимитации границы длится, спорные участки пока «неделимитированы» и «никакой речи о передаче» территории быть не может [18].

МИД Таджикистана в ответ на критику соседей резко предупредил: «распространение непроверенных сведений может способствовать дестабилизации ситуации на приграничных территориях двух братских государств». В высказываниях МИД звучит стратегический акцент на защите суверенитета: действия Кыргызстана характеризуются как «военная агрессия» против мирных таджикских граждан и даже как «заранее спланированная акция». Министр МИД Таджикистана заявлял на Генассамблее ООН, что Кыргызстан «с 50-х годов самовольно захватил более 2110 км², по праву принадлежащих Таджикистану» [19], и обвинил соседей в информационной «кампании» с целью оправдать собственные потери («...ложное впечатление, что трагедия на границе затронула исключительно их»). Такой язык легитимизирует жёсткую позицию Душанбе, рисуя Кыргызскую Республику в роли «агрессора» и оправдывая ответные меры. Тематика и другие акценты. При анализе дискурса выделяются следующие ключевые оси: национальная безопасность (постоянно упоминаются «военные столкновения», «пограничные разборки», «массовые жертвы»), братство/дружба народов (фразы «вечная дружба братских народов», «доверие и добрососедские отношения»), государственный суверенитет («по праву принадлежащих Таджикистану»), угрозы

сепаратизма/экстремизма (криминальный хаос у границ, террористы из соседней территории). Лексически часто фигурируют «госграница», «договор о границе», «акты агрессии/терроризма», «образ врага». Стратегии легитимации включают обращение к международному праву и историческим претензиям (например, ссылку на протоколы СНГ опровергают как нерелевантные к процедуре демаркации), а также апелляции к «дружескому согласию» (отметив, что стороны «сами решили проблему без третьих сил»).

Ферганская долина в официальном дискурсе

Тема Ферганской долины обыгрывается в ключе историко-культурного «сердца Центральной Азии» и символа единства. В государственных СМИ и речах этот регион предстает ареной вековых взаимосвязей таджикских, узбекских и кыргызских народов. Например, официальная «Народная газета» отмечает: «народы, в том числе таджики, узбеки и кыргызы, находились в тесных взаимоотношениях на протяжении многовековой истории... в целом сохранили взаимное уважение и добрососедство». Описывается общая культурная ткань: «узбеки... кыргызы в Фергане заимствовали друг у друга элементы культуры, языка и образа жизни». Выделяются негативные моменты советского распада – «вопросы границ, водных ресурсов и этническая напряжённость» после обретения независимости – но они сглаживаются через политическую волю: «мудрые лидеры трёх стран понимали, что натянутые отношения не могут продолжаться вечно между народами, чьи предки... укрепляли взаимное доверие и добрососедство». Слово «Ферганская долина» часто связывают с «атмосферой доверия», «устойчивым развитием региона» и с проведением совместных саммитов (как встреча в Худжанде 2025 г.), которые, по мнению официальных комментаторов, «играют ключевую роль в формировании атмосферы доверия и взаимопонимания».

Таким образом, Ферганская долина предстает не как «горячая точка», а как плацдарм дальнейшего исторического сотрудничества. Даже признав проблемы, официальный дискурс обрамляет их рамкой «трёх дружеских народов», стремящихся к восстановлению «былой дружбы» и интеграции. Эта риторика подчинена дискурсу мобилизации региона на союзнические цели и игнорирует идею эксклюзивной таджикской идентичности Ферганы. В то же время эпизодические высказывания в духе «ферганский фактор – почва экстремизма» отсутствуют в официальных речах, оставаясь прерогативой независимых аналитиков.

Репрезентация Горно-Бадахшанской АО

В официальной риторике ГБАО регулярно фигурирует как «неотъемлемая часть суверенного Таджикистана». К примеру, в обращении местных властей ГБАО заявлялось, что «Горный Бадахшан считает себя неотъемлемой частью суверенного Таджикистана и подавляющее большинство населения области поддерживает политику центральных властей и президента». Таким образом власти легитимизируют силовые действия в регионе («необходимо укреплять меры безопасности») апелляцией к единству нации. Любые волнения в Хороге официально трактуются как провокация «недоброжелателей» и «преступных элементов»: «события, которые происходят в Хороге... преподносятся... на слухах, которые распространяют недоброжелатели области и преступные

элементы». Такая формулировка стигматизирует оппозиционно настроенных памирцев как «внешнего врага» внутри страны и оправдывает жёсткий контроль. Тематически обсуждение ГБАО сводится к вопросам контртеррора и «предотвращения сепаратизма» [20]. В государственных СМИ подчеркивается, что в долинах Афганского Бадахшана якобы концентрируются боевики, угрожающие стабильности региона, а правительство представляет каждую акцию протестной, неповиновения, как тщательно спланированную диверсию (см. заявления ЦСИ и МВД за последние годы). Такой дискурс мобилизует образ «патриотов» ГБАО, тесно связанных с Душанбе, и выстраивает линию «центра – периферии» по принципу «те, кто соблюдает власть – мы, а протестующие – враги».

Лексические и семантические паттерны. Анализ текстов выявляет устойчивые лексические модели. Для описания пограничной ситуации часто используется военный словарь: «боевое столкновение», «применение артиллерии», «мартышка война». Активно употребляются метафоры «гарь» («горячая точка на политической карте») и «мёд в огонь подливался» (о некорректных действиях соседей). Положительные образы строятся вокруг слов «дружба», «братство», «соседи» (например, «двух братских государств», «солидарный пакет документов»). Семантически важно противопоставление «братство – вражда»: республики называют «братскими странами», границу – «границей вечной дружбы»; напротив, словосочетания «акт агрессии», «фальсификация», «информационная атака», «образ врага» маркируют противоположную сторону как недруга. Лексика легитимации включает и такие клише, как «историческое соглашение», «открывает новую эру», призванные подчеркнуть значимость государственных решений. В отношении «Othering» заметно два приема. Во-первых, формирование образа врага: например, представитель МИД Таджикистана говорил об «информационной кампании Кыргызстана», создающей «образ врага» из его соседей. Во-вторых, использование ярких демонизирующих метафор по отношению к внутренним оппонентам: протесты в Хороге именуются «зверским убийством», их организаторов – «преступными элементами, недоброжелателями». Таким образом «другой» – будь то кыргызстанцы или оппозиционные памирцы – стигматизируется как угроза национальным интересам и целостности государства.

Граница как элемент идентичности и мобилизации. Официальный дискурс превращает границу в символ суверенитета и национального единства. На фоне многолетних споров тема зафиксированной госграницы служит фактором консолидации: «с политической карты стерта ещё одна “горячая” точка», – констатируют ученые, говоря о нейтрализации конфликта. Защита границы апеллирует к патриотическому чувству – в речи МИД «землю, принадлежащую Таджикистану,» зовут «возвращать истокам наших рек» через сотрудничество. При этом акцент делается на «высокой политической воле» руководства обеих стран, вверяя вражду исторической формуле «друзья – постоянны, а интересы – общи». Граница предстает и как мобилизующий фактор внутри страны. Описывая атаки и утраты на границе, власти формируют образ «защиты от врага» – близкое к фронтовому («так кто же агрессор?»). В то же время упоминание общих культурных корней («родственные связи» народов Ферганы) двусмысленно укрепляет

идентичность: с одной стороны, все жители приграничных районов чувствуют себя единым историческим сообществом, с другой – поощряется консолидированная поддержка центра, который якобы обеспечивает мир. В учебно-идеологических материалах и «патриотических» словах лидера подчеркивается значимость страны и границ: молодёжь призывается «приумножать богатства Таджикистана» и «гордиться» родиной, а граница упоминается как «граница вечной дружбы» или «летающая знамя суверенитета». Таким образом пограничные вопросы в официальном дискурсе служат инструментом легитимации власти (руководство – защитник границ) и мобилизации граждан (ошибки соседей выставляются как урок единства).

В таджикском официальном дискурсе 2021-2025 гг. граница представлена одновременно как гарантия безопасности и как символ братства с соседями. Преобладает позитивный нарратив «вечной дружбы» с Кыргызстаном, Ферганой и другими соседями, но эта риторика тесно переплетена с акцентом на внешние угрозы суверенитету. Лексика очень часто поляризована, а именно «добрососедство, доверие» ставятся в противовес «актам агрессии» и «чужим претензиям».

Стратегии легитимации включают обращение к международному публичному праву, историческим связям и престижу государственной власти. Граница функционирует как риторический символ, позволяющий вновь заявить и укрепить национальную идентичность (через гордость «вечной дружбой» предков и борьбу с врагом), а также политически мобилизовать общество вокруг режима. «Таджикско-киргизская государственная граница останется границей вечной дружбы двух братских стран и народов» [21]; «Кыргызстан самовольно захватил более 2110 квадратных километров, по праву принадлежащих Таджикистану»; «народы... таджики, узбеки и кыргызы... сохранили взаимное уважение и добрососедство»; «Горный Бадахшан считает себя неотъемлемой частью суверенного Таджикистана». Эти цитаты иллюстрируют дуализм официального дискурса – одновременно интенсифицируя братскую идентичность и подчёркивая национальную однородность через «советское–постсоветское» наследие.

Заключение

Вопрос о роли границ в политике государств Центральной Азии не может быть исчерпан ссылками на политическую и физическую географию, остаточное наследие советской картографии или интересам национального суверенитета.

Границы здесь – это не просто линии на карте, а символически обозначенные и полные борьбы арены для правящих элит, самоидентичности и борьбы за легитимность, в которых пространственные репрезентации становятся действенными элементами политического действия. Как показывает данное исследование, интерпретации и артикуляции границы в официальных дискурсах Кыргызстана и Таджикистана в период 2021–2025 годов функционируют не как отражение объективных реалий, а как инструменты и механизмы конструирования политического пространства.

Критическая геополитика включает в себя сложный аналитический инструментарий, позволяющий рассматривать границу как дискурсивную конструкцию, а не как

географически заданный конструкт, где границы осмысляются через призму нарративов, производящих различие между «своими» и «чужими», между «легитимной властью» и «угрозой», между «патриотами» и «предателями».

Официальные тексты, высказывания лидеров и ярко сформулированные институциональные формулы создают и поддерживают моральные и символические границы, на которых строится национальная идентичность и оправдывается политическое доминирование и система геополитического приоритета.

Заключение. Анализ продемонстрировал, что репрезентации границы в риторике Жапарова и Рахмона выполняют сразу несколько взаимосвязанных функций:

- легитимируют политическую власть посредством представления лидера как гаранта безопасности и хранителя территориальной целостности;
- мобилизуют население на фоне угрозы, реальной или сконструированной, создавая эмоциональную сплоченность вокруг государства и его лидера;
- формируют национальную идентичность, укореняя её в исторических символах, коллективной памяти и мифах (Манас, Ворух, «земля предков» и др.);
- оправдывают насильственные или исключаяющие меры, представляя их как неизбежную цену стабильности, прогресса и национального выживания.

Как подчеркивает О’Туатэйл, «география мира – не результат природы, а результат историй борьбы за власть над пространством» [11]. В этом контексте такие элементы, как ссылки на карты 1920-х годов, обвинения в «захвате территорий» или утверждение о «неприкосновенности границы» становятся не столько архивными фактами, сколько механизмами институционализации исключаяющих практик и воспроизводства политического порядка.

Риторические стратегии в отношении границ в Центральной Азии демонстрируют, что процессы ребордеринга (восстановления и укрепления границ) и дебордеринга (их частичного стирания) могут сосуществовать в пределах одного и того же дискурса. Даже при частом использовании сложившихся устойчивых фраз «дружба народов» и «братские страны» граница остаётся точкой конфликта и инструментом производства видимых различий. Ферганская долина как многослойное геополитическое пространство исторических взаимодействий и современных геополитических амбиций и вызовов является наглядной иллюстрацией того, как государства «трактуют» и «переписывают» свои самоидентичность и национальный суверенитет через контроль и интерпретации границы.

Анализ показывает, что интерпретативные условия и пределы, созданные в Кыргызстане и Таджикистане, не могут быть поняты изолированно и вне контекста.

Любая конфликтная ситуация или стремление к сотрудничеству по одну сторону границы формируется в диалоге с нарративами, по другую сторону циркулируют между ними. Следовательно, критическая геополитика требует рассмотрения через призму транснационального и сравнительного подхода, позволяющего проследить, как политические субъекты формируют своё «я» в соотношении с «другим», так и выявить ключевые тенденции дальнейшего развития. Как утверждает Герберт, отказ от одностороннего анализа и переход к мультифокусной оптике позволяет избежать

редукции к внутренним или внешним причинам и открыть реальную динамику международной сцены.

Не менее важен и этический и моральный аспекты критической геополитики. Граница – это не только дискурсивная линия, но и линия, несущая боль и страдание, которая структурирует неравный доступ к правам, ресурсам и защите, и, как правило, выступает на правах «территории (государства) крепости» и «волнореза».

Приграничные конфликты, трагедии в Баткене, ограничения в ГБАО – всё это является результатом определенных решений, обоснованных в рамках пространственных нарративов. В этом смысле критическая геополитика требует не только четко обозначенного аналитического инструментария, но и необходимой моральной вовлеченности, направленной на устранение и пересмотр тех риторических механизмов, которые легитимизируют безвозвратность, неспособность, насилие и угнетение.

В итоге официальные риторики Жапарова и Рахмона вокруг темы границы демонстрируют, как через язык, символы и географические образы формируется не просто национальная политика, а политическая мораль прочности и легитимности пространства.

Лидеры и элиты государств Центральной Азии продолжают доформировывать свои нации не только «через» границу и вопросы геополитических интересов, что очень часто связаны с национальными интересами, а зачастую через процесс маркирования и огораживания территории, через обращения к мифическим порядкам, через институциональные оправдания элементов «исторической и моральной справедливости», которые ещё раз подтверждают ключевые установки и методы критической геополитики, где пространство представляет собой значимую силу и стремящегося к борьбе за дальнейшее существование и развитие государства.

Вклад авторов:

Кузембаева А.Б. – сбор и систематизация литературы, анализ и интерпретация материалов, оформление и подготовка научного текста.

Чукубаев Е.С. – концептуализация исследования, постановка целей и задач, теоретическое обобщение и структурирование анализа.

Кульбаев Б. – методологическое сопровождение, работа с эмпирическим материалом, проведение дискурсивного анализа и интерпретация результатов исследования.

Список литературы

1. Очередное Совместное заседание Правительственных делегаций по делимитации и демаркации таджикско-кыргызской границы [Электронный ресурс]. – 2025. URL: <https://mfa.tj/ru/bishkek/view/16651/ocherednoe-sovmestnoe-zasedanie-pravitelstvennykh-delegatsii-po-delimitatsii-i-demarkatsii-tadzhiksko-kyrgyzskoi-granitsy> (Дата обращения: 03.01.2025).
2. Diener A.C., Artman V. Borders, Boundaries, and Identity in Central Asia. In E. Marat and R. Issacs (eds.), Routledge Handbook on Central Asia. – London: Routledge Press, 2022. – P.135-153.
3. Kaiser R. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. - Princeton: Princeton University Press, 1994. – 496 p.

4. Reeves M. Border Work: Spatial Lives of the State in Rural Central Asia. – London: Cornell University Press, 2014. – 292 p.
5. The Tajikistan-Kyrgyzstan Border Conflict: Social Media Discourses and Lived Experiences. [Electronic resource]. – 2023. Available at: <https://oxussociety.org/the-tajikistan-kyrgyzstan-border-conflict-social-media-discourses-and-lived-experiences/> (Accessed: 03.01.2025).
6. Kurmanalieva G. Kyrgyzstan and Tajikistan: endless border conflicts Experiences. [Electronic resource]. – 2019. Available at: https://www.cife.eu/Ressources/FCK/EUCACIS_Online%20Paper%20No%204%20-%20Kurmanalieva.pdf (Accessed: 03.01.2025).
7. Border Brawl: Kyrgyzstan-Tajikistan's Battle for Territory. [Electronic resource]. – 2024. Available at: <https://cbap.cz/archiv/5344> (Дата обращения: 03.01.2025).
8. Tolipov F. Border Problems in Central Asia: Dividing Incidents, Uniting Solution. [Electronic resource]. – 2020. Available at: <https://cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13632-border-> (Accessed: 03.01.2025).
9. Umarov T., Mukambayev A. Central Asian States Have Put Aside Their Territorial Disputes. Why Now? [Electronic resource]. – 2025. Available at: <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2025/04/kyrgyzstan-tajikistan-border-deal?lang=en> (Accessed: 03.01.2025).
10. Megoran N. The critical geopolitics of the Uzbekistan– Kyrgyzstan Ferghana Valley boundary dispute, 1999–2000 // Political Geography. – 2004. – Vol. 23. – P. 731-764.
11. O'Tuathail G. Thinking critically about geopolitics. In G. O'Tuathail, S. Dalby, P. Routledge (eds.), The geopolitics reader. - L.: Routledge, 2006. - 517 p.
12. Президент Садыр Жапаров на Саммите «ЦА - Китай»: Мы нацелены на укрепление политических контактов, ускоренное развитие торгово-экономических связей, объединение усилий в безопасности, стабильности и развития в регионе. [Электронный ресурс]. – 2023. URL: <https://president.kg/ru/news/21/38616> (Дата обращения: 03.01.2025).
13. Выступление президента Садыра Жапарова на первом Народном курултае страны. [Электронный ресурс]. – 2022. URL: <https://ru.archive.kabar.kg/news/vystuplenie-prezidenta-sadyra-zhaparova-na-pervom-narodnom-kurultae-strany/> (Дата обращения: 03.01.2025).
14. Садыр Жапаров: Нельзя допускать, чтобы из-за клочка земли происходили вооруженные конфликты. [Электронный ресурс]. – 2022. URL: <https://bulak.kg/2022/11/25/sadyr-zhaparov-nelzya-dopuskat-chtoby-iz-za-klochka-zemli-proishodili-vooruzhennyye-konflikty/> (Дата обращения: 03.01.2025).
15. У Кыргызстана нет врагов, есть друзья, партнеры, союзники и вечные добрые соседи, - Садыр Жапаров. [Электронный ресурс]. – 2025. URL: <https://news.com.kg/politika/u-kyrgyzstana-net-vragov-est-druzya-partnery-soyuzniki-i-vechnye-dobrye-sosed-i-sadyr-zhaparov/> (Дата обращения: 03.01.2025).
16. Allison R., Jonson L. Central Asian security: The new international context. – Washington: Brookings Institution, 2001. – 295 p.
17. Эксклюзивное интервью президента Садыра Жапарова КНИА «Кабар». [Электронный ресурс]. – 2022. URL: <https://ru.archive.kabar.kg/news/ekskliuzivnoe-interv-iu-prezidenta-sadyra-zhaparova-knia-kabar/> (Дата обращения: 03.01.2025).
18. МИД Таджикистана отреагировало на высказывания политических деятелей Кыргызстана. [Электронный ресурс]. – 2021. URL: <https://sugdnews.com/2021/02/10/mid-tadzhikistana-otreagirovalo-na-vyskazyvaniya-politicheskikh-dejatelej-kyrgyzstana/> (Дата обращения: 03.01.2025).

19. Выступление Его Превосходительства г-на Сироджиддина Мухриддина, Министра иностранных дел Республики Таджикистан на общих прениях 77-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – 2022. URL: <https://mfa.tj/ru/baku/view/11153/vystuplenie-ego-prevoskhoditelstva-g-na-sirodzhiddina-mukhriddina-ministra-inostrannykh-del-respubliki-tadzhikistan-na-obshchikh-preniyakh-77-i-sessii-generalnoi-assamblei-organizatsii-obedin> (Дата обращения: 03.01.2025).

20. Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на встрече с руководителями и активистами Горно-Бадахшанской автономной области. [Электронный ресурс]. – 2024. URL: <https://khovar.tj/rus/2024/10/vystuplenie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-emomali-rahmona-na-vstreche-s-rukovoditelyami-i-aktivistami-gorno-badahshanskoj-avtonomnoj-oblasti/> (Дата обращения: 03.01.2025).

21. Совместное заявление о дальнейшем укреплении уз дружбы и добрососедства между Республикой Таджикистан и Кыргызской Республикой. [Электронный ресурс]. – 2025. URL: <https://prezident.tj/event/news/49983> (Дата обращения: 03.01.2025).

А.Б. Кузембаева¹, Е.С. Чукубаев¹, Б. Кульбаев²

¹Нархоз университеті, Алматы, Қазақстан

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

Орталық Азиядағы сыни геосаясат және шекараны өзгерту мәселелері: қырғыз-тәжік шекара қақтығысы

Аңдатпа. Мақала 2025 жылғы қырғыз-тәжік шекара келісімін сыни геосаясат тұрғысынан талдауға арналған. Авторлар мемлекеттік шекараның өзгеру үдерісін саяси жұмылдырудың маңызды ресурсы, символдық қарсыласу құралы және ұлттық бірегейлікті қалыптастыру элементі ретінде қарастырады. Ресми сөйлеген сөздерге, БАҚ хабарламаларына және сарапшылар сұхбаттарына дискурстық талдау жүргізе отырып, авторлар бұл мақалада Қырғызстан мен Тәжікстанның саяси элитасының шекаралық келісімдерді ішкі легитимділігін арттыру және өз билігін институцияландыру жолында қандай механизмдерді пайдаланатындығын зерттейді. Ресми нарративтердің екіжүзділік табиғатына ерекше назар аударылады: бір жағынан – көршілес мемлекеттерге достық ниет білдірілсе, екінші жағынан – оларға деген сақтық пен сенімсіздік байқалады. Авторлар қол жеткізілген келісім қақтығысты түпкілікті шешпейтіндігін, алайда билік пен бірегейлікті қайта конфигурациялаудың жаңа кезеңін бастайтындығын атап өтеді. Сондай-ақ, мақалада келісімнің аймақтық қауіпсіздікке ықпалы, жергілікті қауымдастықтарға әсері және трансшекаралық ресурстарды басқарудың күрделілігі қарастырылады. Орталық Азия көшбасшылары аумақтық таңбалау және тарихи және моральдық әділеттілікке үндеу арқылы өз ұлттарын қалыптастыруды жалғастырып жатқаны атап өтіледі, бұл мемлекеттің өмір сүруі мен дамуы үшін күрес алаңы ретіндегі кеңістік туралы сыни геосаясаттың негізгі постулаттарына сәйкес келеді.

Түйін сөздер: шекаралар, сыни геосаясат, ұлттық бірегейлік, Қырғызстан, Тәжікстан, аймақтық қауіпсіздік, дискурстық талдау

A.B. Kuzembayeva¹, Y.S. Chukubaev¹, B.Kulbayev²

¹Narxoz University, Almaty, Kazakhstan

²Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Critical Geopolitics and the Transformation of Borders in Central Asia: The Kyrgyz–Tajik Border Conflict

Abstract. This article examines the 2025 Kyrgyz–Tajik border agreement through the lens of critical geopolitics. The authors analyze the transformation of the state border as a significant resource for political mobilization, a tool of symbolic confrontation, and a mechanism for constructing national identity. Using discourse analysis of official statements, media materials, and expert interviews, the article reveals how political elites in Kyrgyzstan and Tajikistan employ border agreements to strengthen domestic legitimacy and institutionalize their authority. Special attention is given to the dual nature of official narratives, which simultaneously emphasize friendship and express strategic suspicion toward neighboring states. The authors argue that the agreement does not resolve the conflict conclusively but initiates a new phase in the reconfiguration of power and identity. The article also explores the implications of the agreement for regional security, its impact on local communities, and the challenges of managing transboundary resources. It is emphasized that Central Asian leaders continue to shape their nations through territorial demarcation and appeals to historical and moral justice, reflecting key tenets of critical geopolitics, which views space as a site of struggle for statehood and development.

Keywords: borders, critical geopolitics, national identity, Kyrgyzstan, Tajikistan, regional security, discourse analysis

References

1. Ocherednoe Sovmestnoe zasedanie Pravitel'stvennykh delegatsii po delimitatsii i demarkatsii tadzhiksko-kyrgyzskoi granitsy [Regular Joint meeting of Government delegations on the delimitation and demarcation of the Tajik-Kyrgyz border]. [Electronic resource]. – 2025. Available at: <https://mfa.tj/ru/bishkek/view/16651/ocherednoe-sovmestnoe-zasedanie-pravitelstvennykh-delegatsii-po-delimitatsii-i-demarkatsii-tadzhiksko-kyrgyzskoi-granitsy> (Accessed: 03.01.2025). [in Russian]
2. Diener A.C., Artman V. Borders, Boundaries, and Identity in Central Asia. In E. Marat and R. Issacs (eds.), Routledge Handbook on Central Asia, 135–153 (2022).
3. Kaiser R. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. (Princeton University Press, Princeton, 1994, 496 p.).
4. Reeves M. Border Work: Spatial Lives of the State in Rural Central Asia. (Cornell University Press, Ithaca, 2014, 292 p.).
5. Gabdulhakov R., Antonov O., Erkin Kyzy. The Tajikistan-Kyrgyzstan Border Conflict: Social Media Discourses and Lived Experiences [Electronic resource]. – 2023. Available at: <https://oxussociety.org/the-tajikistan-kyrgyzstan-border-conflict-social-media-discourses-and-lived-experiences/> (Accessed: 03.01.2025).
6. Kurmanalieva G. Kyrgyzstan and Tajikistan: endless border conflicts Experiences [Electronic resource]. – 2019. Available at: <https://www.cife.eu/Ressources/> (Accessed: 03.01.2025).

7. Bíma M. Border Brawl: Kyrgyzstan-Tajikistan's Battle for Territory [Electronic resource]. – 2024. Available at: <https://cbap.cz/archiv/5344> (Accessed: 03.01.2025).
8. Tolipov F. Border Problems in Central Asia: Dividing Incidents, Uniting Solution [Electronic resource]. – 2020. Available at: <https://cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13632-border-> (Accessed: 03.01.2025).
9. Umarov T., Mukambayev A. Central Asian States Have Put Aside Their Territorial Disputes. Why Now? [Electronic resource]. – 2025. Available at: <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2025/04/kyrgyzstan-tajikistan-border-deal?lang=en> (Accessed: 03.01.2025).
10. Megoran N. The critical geopolitics of the Uzbekistan–Kyrgyzstan Ferghana Valley boundary dispute, 1999–2000, *Political Geography*, 23, 731–764 (2004).
11. O'Tuathail G. Thinking critically about geopolitics. In G. O'Tuathail, S. Dalby, P. Routledge (eds.), *The geopolitics reader*. (Routledge, London, 2006, 517 p.).
12. Prezident Sadyr Zhaparov na Sammite "TsA–Kitai": My natselement na ukreplenie politicheskikh kontaktov, uskorennoe razvitie torgovo-ekonomicheskikh svyazey, ob"edinenie usilий v bezopasnosti, stabil'nosti i razvitiі v regione [President Sadyr Japarov at the Central Asia-China Summit: We aim to strengthen political contacts, accelerate the development of trade and economic ties, and join forces for security, stability, and development in the region]. [Electronic resource]. – 2023. – Available at: <https://president.kg/ru/news/21/38616> (Accessed: 03.01.2025). [in Russian]
13. Vystuplenie prezidenta Sadyra Zhaparova na pervom Narodnom kurultae strany [Speech by President Sadyr Japarov at the first National Kurultai of the country]. [Electronic resource]. – 2022. Available at: <https://ru.archive.kabar.kg/news/vystuplenie-prezidenta-sadyra-zhaparova-na-pervom-narodnom-kurultae-strany/> (Accessed: 03.01.2025). [in Russian]
14. Sadyr Zhaparov: Nel'zya dopuskat', chtoby iz-za klochka zemli proizkhodili vooruzhennyye konflikty [Sadyr Japarov: Armed conflicts should not be allowed to take place over a piece of land]. [Electronic resource]. – 2022. Available at: <https://bulak.kg/2022/11/25/sadyr-zhaparov-nelzya-dopuskat-chtoby-iz-za-klochka-zemli-proishodili-vooruzhennyye-konflikty/> (Accessed: 03.01.2025). [in Russian]
15. U Kyrgyzstana net vragov, est' druz'ya, partnery, soyuzniki i vechnye dobrye sosedi – Sadyr Zhaparov [Kyrgyzstan has no enemies, it has friends, partners, allies and eternal good neighbors, Sadyr Japarov]. [Electronic resource]. – 2025. Available at: <https://news.com.kg/politika/u-kyrgyzstana-net-vragov-est-druzya-partn> (Accessed: 03.01.2025). [in Russian]
17. Ekskliuzivnoe interv'iu prezidenta Sadyra Zhaparova KNIA "Kabar" [Exclusive interview with President Sadyr Japarov by Kabar News Agency]. [Electronic resource]. – 2022. Available at: <https://ru.archive.kabar.kg/news/ekskliuzivnoe-interv-iu-prezidenta-sadyra-zhaparova-knia-kabar/> (Accessed: 03.01.2025). [in Russian]
18. MID Tadzhiqistana otreagirowalo na vyskazyvaniia politicheskikh deiatelei Kyrgyzstana [The Ministry of Foreign Affairs of Tajikistan responded to statements by Kyrgyz political figures]. [Electronic resource]. – 2021. Available at: <https://sugdnews.com/2021/02/10/mid-tadzhikistana-otreagirowalo-na-vyskazyvaniya-politicheskikh-deiatelej-kyrgyzstana/> (Accessed: 03.01.2025). [in Russian]
19. Vystuplenie Ego Prevoshoditel'stva g-na Sirodzhiddina Mukhriddina, Ministra inostrannykh del Respubliki Tadzhiqistan na obshchikh preniakh 77-i sessii General'noi Assamblei OON [Speech by H.E. Sirojiddin Muhridin, Minister of Foreign Affairs of Tajikistan, at the general debate of the 77th

session of the UNGA]. [Electronic resource]. – 2022. Available at: <https://mfa.tj/ru/baku/view/11153/vystuplenie-ego-prevoskhoditelstva-g-na-sirodzhiddina-mukhriddina-ministra-inostrannykh-del-respubliki-tadzhikistan-na-obshchikh-preniyakh-77-i-sessii-generalnoi-assamblei-organizatsii-obedin> (Accessed: 03.01.2025). [in Russian]

20. Vystuplenie Prezidenta Respubliki Tadzhikistan Emomali Rakhmona na vstreche s rukovoditeliymi i aktivistami Gorno-Badakhshanskoj avtonomnoj oblasti [Speech by President of Tajikistan Emomali Rahmon at a meeting with leaders and activists of Gorno-Badakhshan Autonomous Region] [Electronic resource]. – 2024. Available at: <https://khovart.tj/rus/2024/10/vystuplenie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-emomali-rahmona-na-vstreche-s-rukovoditelyami-i-aktivistami-gorno-badahshanskoj-avtonomnoj-oblasti/> (Accessed: 03.01.2025). [in Russian]

21. Sovmestnoe zaiavlenie o dal'neishem ukreplenii uz druzhby i dobrososedstva mezhdru Respublikoi Tadzhikistan i Kyrgyzskoi Respublikoi [Joint statement on further strengthening ties of friendship and good-neighbourliness between Tajikistan and Kyrgyzstan] [Electronic resource]. – 2025. Available at: <https://prezident.tj/event/news/49983> (Accessed: 03.01.2025). [in Russian].

Сведения об авторах:

Кузембаева А.Б. – кандидат исторических наук, Университет Нархоз, Алматы, Казахстан.

Чукубаев Е.С. – кандидат исторических наук, Университет Нархоз, Алматы, Казахстан.

Кульбаев Б. – PhD докторант, КазНУ имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

Кузембаева А.Б. – тарих ғылымдарының кандидаты, Нархоз университеті, Алматы, Қазақстан.

Чукубаев Е.С. – тарих ғылымдарының кандидаты, Нархоз университеті, Алматы, Қазақстан.

Кульбаев Б. – PhD докторант, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы, Қазақстан.

Kuzembayeva A. – Candidate of Historical Sciences, Narxoz University, Almaty, Kazakhstan.

Chukubayev Ye. – Candidate of Historical Sciences, Narxoz University, Almaty, Kazakhstan.

Kulbayev B. – PhD student, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Copyright: © 2025 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).